

Адизбаева Д.Ж.

АКТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ЛЮБОВЬ, ЛИДЕРСТВО И ТВОРЧЕСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ДИАЛОГА

В наиболее законченном виде сформулировал общую для философов двадцатого века идею о том, что любящему не нужен всего лишь "автомат страсти", с которым он был бы все же одинок, не получая от любимой искреннего признания ценности его персоны Ж.-П.Сартр.

Любящий, по сути, стремится не лишиться любимого свободы, а "соблазнить" и "очаровать" эту чужую свободу, чтобы она сама себя пленила, сама привязала себя к "соблазнителю". (Любопытно заметить, кстати, что и в народных сказках злой персонаж, похитив девушку-красу, обычно затем пытается "очаровать" ее, а не изнасиловать.)

Почему любящий жаждет именно свободной взаимности от любимого? Как показывает Сартр, дело в том, что человек хочет при помощи другого добиться признания реальности и ценности своего бытия. Сам по себе я был бы "ничто", пока мое существование и моя ценность не были бы признаны другими людьми. (На Земле есть миллиарды людей, которые для меня - "ничто", не существуют как личности, пока я кого-то из них не узнаю и не признаю.) То есть мое бытие (в отличие от "ничто", каким я был бы при отсутствии признания) зависит от Другого. Другой "дает мне бытие и тем самым владеет мною". Наибольшую ценность мне придавало бы признание со стороны того, кого я сам признаю особо ценным существом.

Поскольку другой "дает мне бытие" (т.е. благодаря его признанию я обретаю некоторое достоинство, становлюсь "чем-то"), постольку вместе с тем я оказываюсь и зависимым от другого; эта зависимость ограничивает мою свободу и, значит, умаляет мое "я". (Ведь я - настолько "я", а не вещь среди вещей, насколько, в отличие от вещи, свободен, способен к самоопределению.) Таким образом, замечает Сартр, мое "бытие-для-другого" изначально конфликтно: другой дает бытие моему "я" и в той же мере отнимает у меня мое "я".

Я стремлюсь "отвоевать" у другого мое бытие. Я хочу заставить другого, который уже признал меня "чем-то" (т.е. наделил меня, будто я вещь, определенным значением), признать меня еще и свободным (т.е. неопределенным, т.е. - "ничем"!)). Неустраняемая конфликтность моего "бытия-для-другого" в том, что я хочу быть для него одновременно "чем-то" (как вещь) и "ничем" (как свобода): Этот кополикти является условием любви, и сама "любовь есть конфликт".

В понимании Сартра, любовь - это предприятие по отвоеванию моего бытия у другого путем овладения его свободой. Исследуя феномен любви, Сартр, очевидно, имел в виду любовь вообще, а не только половую. Сартр называет любовь "предприятием" потому, что она - не какая-то сама по себе существующая "сила", довлеющая над свободой человека (вроде "инстинкта"), а преднамеренное "проектирование" и осуществление человеком своих возможностей и действий.

В любви я хочу пленить свободу (вдумаемся в противоречивость этого словосочетания!) другого, т.е. чтобы другой сам - свободно! - пленялся мною. Любящий не удовлетворяется даже свободной "присягой на верность" и раздражается даваемыми ему клятвами, - он хочет быть свободно любимым каждый данный миг, а не в силу когда-то данного ему - хотя бы и свободно - слова.

Как можно представить себе "плененную свободу"? Свобода человека может пленить сама себя, оставаясь все же свободой, если она стремится утонуть в свободе другого, видя в нем абсолютную ценность, смысл своего бытия, непревосходимый предел для себя. Для большей наглядности вообразим себе человека, свободу которого ограничили бы стенами, настолько удаленными, что он никогда не смог бы их достичь и увидеть: у этого человека не было бы оснований считать себя невольником - свобода его действий фактически ничем не ограничена в пределах его возможностей. Вот таким неисчерпаемым "застенком", непревосходимой реальностью любящий и стремится стать для любимого, чтобы пленить его свободу.

Чужая свобода, пленяющаяся много, придает мне значение высшей ценности. Теперь я не ничто, а все: я даю бытие другому, любящему меня. "Мое существование обеспечено тем, что оно необходимо. Это существование, насколько я беру его на себя, становится чистым благодеянием. Я существую потому, что раздариваю себя. <...> Как я хорош тем, что у меня есть глаза, волосы, брови, и я их неустанно раздариваю в преизбытке щедрости в ответ на неустанное желание, в которое по своему свободному выбору превращается другой. Тогда как раньше, когда нас еще не любили <...> мы чувствовали себя "лишними", теперь мы ощущаем, что наше существование принято и безусловно одобрено в своих мельчайших деталях... Вот источник радости любви, когда она есть: чувство, что наше существование оправдано".

Но - вот парадокс! - "если другой меня любит, он подсекает в корне мои ожидания самую свою любовью..." Я-то ожидал, что он мне "даст бытие" - т.е. извне меня признает меня, а он сам "погрузился" в мое бытие, в мою свободу; таким образом он вновь возложил на меня задачу самому искать оправдания - признания

моего бытия. Единственное, чего я смог добиться, - овладел свободой другого, устранив угрозу "кражи" у меня моего бытия (моего "я") со стороны чужой свободы, т.е. устранил угрозу взгляда на меня как на вещь (взгляда, наделяющего меня бытием вещи и не признающего моей свободы). "Чем больше меня любят, - пишет Сартр, - тем вернее я утрачиваю свое бытие, тем неотвратимее возвращаюсь к существованию на свой страх и риск, к своей собственной способности обосновать свое бытие".

Чтобы стать любимым, я соблазняю и очаровываю. Я стараюсь предстать перед другими как что-то очень ценное, "я предлагаю себя как непревосходимую величину". "Соблазнение имеет целью вызвать в другом сознание своего ничтожества перед лицом соблазнительного объекта". Мой проект влюбить другого в меня - это и есть сама моя любовь. Я люблю другого тем сильнее, чем больше хочу, чтобы он любил меня. "Каждый хочет, чтобы другой его любил, не отдавая себе отчета в том, что любить - значит хотеть быть любимым, и что тем самым, желая, чтобы другой меня любил, я хочу лишь, чтобы другой хотел заставить меня любить его".

Любовь - это как бы "игра зеркальных отражений", это "система бесконечных отсылок", стремление отразиться в другом, чтобы увидеть в нем признание и обоснование своего бытия. Мир зеркальных отражений невеществен, иллюзорен; легкое смещение зеркал способно разрушить игру отражений, развеять кажущуюся бесконечность глубины. Так же и любовь - постоянно подвержена опасности исчезновения.

Сартр выявляет три способа невольного разрушения любви. Во-первых, как уже упоминалось, добившись поглощения свободы другого моей свободой, я теряю другого как внешнюю опору - оправдание для моего бытия. Мое "предприятие" любви перестает в этом отношении оправдывать себя, и я перестаю ее "проектировать".

Во-вторых, другой может в любой момент "пробудиться от чар" и увидеть меня не непревосходимым пределом, а "объектом" среди прочих. Отсюда - "вечная необеспеченность" моего существования в качестве любимого.

В-третьих, флер любви может развеяться под взглядом "третьего", из-за которого каждый из двух любящих, как бы видя себя обоих со стороны, начинает ощущать и себя, и другого "объектом". В результате - чары исчезают. "Здесь настоящая причина того, почему любящие хотят остаться наедине, - пишет Сартр. - Появление кого-то третьего, кем бы он ни был, разрушает их любовь". Причем даже когда нас фактически никто не видит, мы не избавлены от незримого присутствия "других сознаний", ведь мы сами, периодически взглядывая на себя "со стороны" (как бы "чужими глазами"), "проектируем" их в своем собственном сознании. Таким образом, Сартр показывает, что любовь несет сама в себе зародыш своего разрушения.

Феномен любви, согласно пониманию Ж.-П.Сартра, неотделим от бытия человека и его свободы. Древние могли представлять любовь как безличную и самосущую космическую силу; у Шопенгауэра любовь - иллюзия, но не порождаемая человеком, а внушаемая ему мировой волей; у Соловьева любовь - что-то вроде божественного дара человеку; у Фрейда любовь - порождение подсознательных "первичных позывов" (либидо), возникающих вне и помимо сознания человека. По мнению же Сартра, человек не является существом, "претерпевающим" что-либо пассивно; своего поведения, своих поступков он "придерживается". То есть, в конечном счете, всему, что с ним происходит, он сам "позволяет" происходить (потому-то он ответствен за все свое бытие). То же касается и любви: хоть она и "наваждение", но приходит к нам не помимо нашего сознания и свободы, а вместе с ними. То есть любовь не только не чужда сознанию, но является игрой взаимоотражения, в которую свободно вступают, дают себя вовлечь наши сознания. Не "бог", не "инстинкт", не "родовая воля", а я сам хочу получить признание моего бытия со стороны другого; я сам хочу, чтобы другой хотел "пленить" мою свободу.

Профессор Калифорнийского университета Д.Делис, сделал вывод, что взаимоотношения партнеров в любви характеризуются, прежде всего, тем, что один из них обязательно испытывает большую потребность в любви, чем другой, и чем больше любви требует более увлеченный партнер, тем меньше желание любить у другого. При этом человек в течение своей жизни может несколько раз побывать как в роли более увлеченного партнера, который находится, по выражению Д.Делпса, в "подчиненном" положении, так и менее увлеченного, который занимает "ведущее" положение в паре.

Занимая ведущее или подчиненное положение, человек испытывает существенно различающиеся эмоции и использует разные личностные качества. В основе поведения "подчиненного" партнера лежит эйфория, связанная страхом потерять любимого. Потребность в этой эйфории и ее механизм сродни тем, которые человек испытывает, сознательно подвергая себя опасности (увлечение экстремальными видами спорта или рискуя своими деньгами в казино или на инвестиционной бирже). Главной целью "подчиненного" партнера является завоевание полного контроля над "ведущим" партнером. "Подчиненный" испытывает чувства неуверенности, страха потери и одновременно с эйфорией испытывает психический дискомфорт от своей зависимости от "ведущего". Теоретически он может добиться своей цели и сам стать "ведущим". Однако это, как правило, приводит к разрыву отношений, так как в этом случае после "мгновения торжества" "подчиненный" испытывает разочарование, так как уверенность в обретенном контроле над "ведущим" лишает его чувства эйфории (любовь ушла).

"Ведущий" партнер испытывает совсем другой комплекс эмоций. Его гнетет синдром противоречий и обязательств. Он определяет, как дальше будут развиваться, стоит ли вообще продолжать отношения с "подчиненным", потерявшим голову от любви. Ведущий не испытывает эйфории подчиненного, ему, с одной стороны, приятны те знаки внимания, которые оказывает ему партнер (заметим, "подчиненный" партнер является "ухажером", а "ведущий" - объектом ухаживания). С другой стороны, ему не могут нравиться навязчивые попытки установления контроля над своей личностью и личной жизнью со стороны "подчиненного". То есть получается: "мне так приятно, что он обо мне заботится, но он так "достаёт" своим непрерывным вниманием и присутствием.". Следовательно, "ведущий" терпит "подчиненного", принимает или не принимает его знаки внимания и заботу о себе.

Итак, в каждой паре партнеров-влюбленных можно найти лидера. Лидерские качества, харизма лидера являются одним из ключевых понятий нашего исследования.

Литература:

1. Лотман Ю. Выход из лабиринта. /Послесловие к роману Умберто Эко "Имя розы" - М.: Изд-во "Книжная палата", 1989. - с. 476-478.
2. Ванина О.Н.Методы исследования стереотипа <http://sociologi.narod.ru/stereotip/3.htm>
3. Гореславский А.Разоблачение гламура (Интервью с Сергеем Минаевым) // Взгляд. Деловая газета, 15 марта 2006